

Л. Г. Бызов

«РУССКИЙ МИР» — ПРОШЛОЕ ИЛИ БУДУЩЕЕ? ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НА
ПОЛЯХ МОНОГРАФИИ М. А. ТАРУСИНА И А. А. ДУХАНИНА «НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ. ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»

БЫЗОВ Леонтий Георгиевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: leontiy13@mail.ru

Рецензируемая книга отражает результаты большого социологического исследования, недавно проведенного авторами. Его тема более чем актуальна, споры вокруг природы российской, русской цивилизации разгораются сегодня с новой силой. Страна стоит на пороге очередного перелома — все говорит о том, что парадигма «стабильность любой ценой» себя исчерпывает, нужно определяться с более общими стратегическими целями, а эти цели невозможно поставить, не обсудив по неизвестно уже какому счету «проклятые русские вопросы». Несмотря на традиционно большое внимание исследователей к этим вопросам, однозначно принятых обществом интеллектуальных прорывов в них достигнуто так и не было, и все спорящие стороны остаются на своих старых позициях. На вопросы типа «Куда мы идем?», «Что мы собой представляем?», «Кто мы такие?» — разные авторы продолжают давать свои ответы, скорее отражающие их общие установки, чем строго изученную научную истину. Как результат, одни исследователи утверждают, что на «русском направлении» продолжают довлеть традиции, архетипы, религиозные и этические представления, сформировавшиеся в ранние периоды становления русского этноса, а все видимые перемены — это что-то вроде «ряби на поверхности воды», т.е. говорят о принципиальной неизменности русского социально-культурного кода. На этом настаивают как некоторые мыслители либерального лагеря, для которых глубокий, хотя и скрытый русский традиционализм выступает в качестве основного препятствия на путях вестернизации и модернизации, так и современные консерваторы. Например, лидер российского евразийства А. Дугин постоянно говорит о феномене «России-2» как наборе незыблемых констант, определяющих основные черты

русских на протяжении веков вплоть до сегодняшнего дня. С другой стороны, немало исследователей отмечают глубокий разрыв современного русского (российского) самосознания с исторической и культурной почвой, радикальную смену основных архетипов, недееспособность многих важнейших мифов, ранее определявших нашу национальную жизнь.

Большинство исследователей современной русской цивилизации придерживаются гипотезы о неизменности, архаичности матрицы социокультурного кода, определяющей неэффективность модернизационных проектов по «догоняющему типу». В то же время многие факты свидетельствуют о коренной ломке социокультурного кода в последние десятилетия XX века, вызванной не только и не столько политическими потрясениями, сколько коренным изменением условий жизни, необратимым распадом традиционного общества. Эти выводы были, в частности, сделаны по итогам фундаментального исследования «Базовые ценности современных россиян» («Томская инициатива»), проведенного уже почти десять лет назад (при участии автора этих строк). Позднее эти мысли были развиты в книге Валерия и Татьяны Соловей «Несостоявшаяся революция», других работах В. Соловья, где говорится об истощенности русского культурно-почвенного контекста и его стремительном замещении идентичностью «по крови», своего рода «кровяной парадигмой». О доминировании в массовом сознании либеральных, модернистских ценностей много пишут И. Дискин, И. Клямкин, Т. Кутковец, объясняя модернизационные провалы не столько ценностями и архетипами, несовместимыми с либеральными реформами, сколько институционными провалами. Надо сразу сказать, что у сторонников обеих теорий есть свои достаточно серьезные аргументы, но все же не настолько убедительные, чтобы в этом «старом русском споре» наконец-то была поставлена точка.

М. Тарусин и А. Духонин являются убежденными сторонниками первой из названных парадигм, независимо от того, что либералы воспринимают «русскую архетипическую матрицу» как неизбежное имманентное русской природе зло (вспомним, например, скандально прозвучавшее мнение журналиста В. Познера о том, что «России крупно не повезло с православием»), а авторы книги «Национальная идентичность» - как столь же неизбежное имманентное добро, редкое историческое везение. По их мнению, «основные (архетипические) качества характера русских практически не претерпевали изменений на протяжении веков. В определенные исторические периоды одни качества выделялись, другие как бы прятались в глубине души, чтобы в нужное время снова проявиться в полной силе». Этот важнейший по своей значимости вывод они подтверждают данными социологического опроса, согласно которым продолжают действовать массовые стереотипы и установки на роль

государства как собирателя земель и пространств, этические требования к власти как «представителю небес на Земле», представляющему высшую правду и высшую справедливость, о символическом значении образа «круга», отражающем мир русской общины с ее круговой защитой, стремлением все делать сообща, по всеобщему согласию, и много еще чего в этом роде. Все это очень интересно, но все же скажу, что меня как социолога эти цифры до конца не убеждают, потому что в основном они отражают скорее «парадный» пласт ценностей, чем реальный, императивный, определяющий сегодняшние социальные реалии. В этом нет какого-то упрека авторам исследования, мы и сами не раз сталкивались с тем, что многие вопросы, поставленные в анкете, иной раз проскальзывают по поверхности, провоцируя респондентов отвечать «красиво», «как надо», и далеко не всегда позволяют раскрыть их реальное, не вербализуемое отношение к жизни. Как минимум, можно говорить о том, что в головах нынешних россиян сохранился некий «парадный» идеал «русских ценностей», воспитанный с детства, этому идеалу они чаще всего не следуют, но может ли этот идеал актуализироваться, трансформироваться в какие-то институциональные формы, утверждать пока, конечно, преждевременно. Я занимаю здесь скорее пессимистическую позицию. У меня нет ответа на вопрос, что именно является носителем неизменного социокультурного кода нации: или это «кровь», социально-биологические константы, что авторы книги вроде бы отрицают, или это «почва» — культура, природа, традиции, с чем авторы скорее согласны. Но если так, как может сохраниться социокультурный код в условиях радикальной смены образа жизни, бесповоротного распада традиционной земледельческой культуры, урбанизации и других столь же разрушительных процессов? Нынешняя, «новорусская», генерация россиян, сформировавшаяся в последние десятилетия, остается для социологов загадочным, непознанным феноменом, несмотря на, казалось бы, большую доступность для эмпирического изучения, чем давно ушедшие поколения, с их русской идентичностью и «русским миром». К сожалению, попытки заглянуть сквозь наслоения парадных ценностей в наше современное коллективное бессознательное, несмотря на отдельные интересные находки, в целом так и не удалось, к решению этой задачи пока всерьез даже и не подступались.

Сложно отрицать огромную роль православия в формировании национальной идентичности русских, их национального характера. Авторы справедливо пишут, что «качества характера русского человека формировались под воздействием многих факторов, но наиболее важным и действенным фактором оказалось православие. Оно не только придало лучшим нравственным качествам новый импульс, но воспитало новые свойства, такие как, например, космизм, всечеловечность, любовь к ближнему». В то же время их уверенность,

что сегодня «даже многие россияне, не считающие себя верующими, и не подозревают, насколько православным остается их сознание», является, на мой взгляд, сильным упрощением той сложной смеси верований, которые на самом деле определяют сознание не только невоцерковленных, но и вполне «истово» верующих россиян. И в этом, и в других рассуждениях присутствуют своего рода «розовые очки», которые в чем-то оправданы, в чем-то, наверное, нет. По их логике, стоит буквально немного дать отстояться политической пене, сбалансировать общественную систему, как «нравственное состояние общества само выровняется, появится новый тип положительного героя, вчерашние казнокрады-управленцы превратятся в патриотов, возродятся или появятся новые формы благотворительности». Действительно, если цела национальная «грибница», остается неизменным социокультурный код, то почему бы и нет. Однако опыт последнего десятилетия, когда вроде бы сформировались политические условия для возрождения национальных идентичностей и стереотипов, при официальной государственно-патриотической идеологии, резком разрастании класса государственной бюрократии показал, что восстановление национальной субъектности если и происходит, то крайне медленно и противоречиво, а по многим важнейшим направлениям продолжается процесс национального распада. В частности, это касается русской деревни, кое-как пережившей советское лихолетье и добываемой сегодня рыночными отношениями, или продолжающейся стремительной деградации природы и исторической среды обитания (что в Москве и Петербурге стало притчей во языцех). Пренебрежительное отношение к собственной истории — это как раз то, что разительно отличает русский менталитет от европейского, где всюду «священные камни», а значит, нет видимого разрыва эпох и поколений, которые продолжают сосуществовать как бы одновременно. В сегодняшней России дела обстоят прямо наоборот, смешение эпох и сословий, произошедшее в XX веке, обусловил колоссальный разрыв поколений, полное массовое беспамятство не только в отношении давно прошедших времен, но даже и тех, что, казалось бы, прошли еще при жизни нынешних поколений. Поэтому точка зрения авторов, что «характер народа при этом остается прежним и узнаваемым, русский узнает себя в своих предках-соотечественниках тысячелетней давности, чем не может сегодня похвастаться представитель ни одного европейского народа», выглядит, мягко говоря, довольно спорно. Если мнение об интенсивной архаизации русского сознания в последнее десятилетие, возрождение традиционной национальной идентичности справедливо, можно ожидать реактуализации и соответствующих мифов — устойчивых и глубинных ментальных структур, которые могут более очевидно и зримо, чем ранее, влиять на поведение человека и общества. В этой связи возникают три вопроса: каково современное наполнение отобранных

для анализа мифов; в какой степени выполняют они свои базовые функции интеграции общества и придания смысла социальному бытию; обладают ли мобилизационными свойствами те мифы, которые влияют на модель поведения индивида в обществе. Как показали наши исследования почти десятилетней давности, российское общество переживает глубокий онтологический кризис и распад привычной картины мира, что служит одной из главных причин социальной и моральной деградации страны. События последних пятнадцати лет привели к дальнейшему распаду остатков русского традиционализма, разрыву с многовековой историей российской цивилизации. За эти годы Россия так и не выработала собственной цивилизационной идентичности. Не удалось за эти годы выработать и собственной национальной модели политической и экономической системы, так как формальное заимствование политических и экономических институтов, характерных для «цивилизованного Запада», отторгается российской почвой, ведет в качестве контртенденции к усилению архаичных форм организации общественной жизни. Новый российский средний класс отнюдь не является носителем традиционной русской ценностной идентичности, несмотря на некоторые внешние проявления. Где уж тут говорить об устойчивой и неизменной национальной идентичности.

С точки зрения своих цивилизационных характеристик, современная генерация россиян несет в себе черты и архаики, и традиционного общества, и постреформенного модерна. С одной стороны, мы наблюдаем унифицированный постиндустриальный образ жизни жителя современного мегаполиса, ориентированного, как правило, на массовую культуру потребления, с другой, доживающие свой век островки традиционализма, с третьей — архаизацию общественных отношений, примитивную самоорганизацию общества, во многом воспроизводящую дотрадиционные формы. Это предопределяет неоднозначность взгляда на современные общественно-политические реалии, когда параллельно с процессом модернизации образа жизни идет процесс архаизации политической культуры. Остается неясным ответ на вопрос, в какой степени эти процессы связаны с особенностями архетипического (мифологического) сознания, а в какой — с институциональной недостаточностью, когда даже субъекты с современной системой ценностей самоорганизуются по архаичным закономерностям. Исследования ментальности и мифов постсоветского человека свидетельствуют, что в нем практически ничего не осталось от той традиционной архаики, которую мы привыкли считать проявлением русской косности, препятствующей модернизации. Если ей что и препятствует, то не система ценностей, а неспособность вестернизированных, либерально-ориентированных постсоветских индивидов к самоорганизации и взаимодействию. Утратив архаичные структуры и мифы коллективного

бессознательного, интегрирующие традиционные социумы, наше общество при всей своей рационализации не смогло сформировать нацию. Россия не перешла от традиционного общества к нации, что в Новое время сделали Европа и Америка, причем последняя гораздо позже и с большими трудностями. Общественные перемены, произошедшие в последнее десятилетие, коснулись лишь фасадной части общества. Процесс разрушения традиционного сознания носит необратимый характер, традиционные ценности присутствуют главным образом лишь на «парадном» уровне, наблюдается демифологизация и рационализация массового сознания. Все это создает определенные социокультурные барьеры на пути перехода российского общества к стратегии органичной модернизации. Наши исследования показали, что новые слои общества, тот же наш средний класс, отличаются чрезвычайно высоким уровнем прагматизма. Они не видят, ради чего можно, например, пожертвовать жизнью или достатком, их не интересует прошлое и в равной степени будущее. А что такое общество без сверхценностей, которое живет ради своего прижизненного удовольствия, а после меня хоть потоп? Увы, все идеалы жертвенности, соборности, нестяжательства, того «социального круга», который М. Тарусин и А. Духанин видят символами русской идентичности, на практике совершенно не работают. Такие «русские» мифы, как «для русского человека важно не материальное преуспевание, не карьера, а жизнь по правде и справедливости», «русский человек стремится делать добро не только для себя, а для всего человечества», «русский человек не может не быть честным», «русские честнее других народов» — являются в современной России ценностями лишь традиционалистского сегмента общества, которое стремительно сокращается. По сути, последние десятилетия, когда огромная часть нашего населения переориентировалась на ценности общества массового потребления, оказались разрушительными для российской культурной «почвы» едва ли не в большей степени, чем вся советская история с ее провозглашенным дистанцированием от «старого мира». Это дает основания полагать, что современному обществу ближе подходит такая характеристика, как «кризис беспочвенности», чем торжество архаики и традиций. А это означает, что внешний, лежащий на поверхности, политический и социальный консерватизм, «новый русский порядок», о котором мечтают наши граждане, — это что угодно, но только не возвращение к истокам, не регенерация русской цивилизации, более того, вполне возможно, как это ни печально, ее похороны. Мы даже не знаем ответа на самый главный вопрос — есть ли такая русская (российская) нация? Не как социально-биологическая популяция (хотя и это вызывает немало вопросов), а как носитель цивилизационной идентичности, в которую включаются и «кровь» (выработанный веками в России генофонд), и «почва», включающая в себя культуру, традиции, архетипы. Что, собственно говоря, представляет из себя тот самый человеческий

«материал», пока так туго складывающийся в современную нацию? Казалось бы, что очевиднее, чем возвращение к истокам, к традициям, к той России, «которую мы потеряли». Но возвращаться-то по сути и некуда, и мы уже далеко не те, и того «дома», куда возвращаться, уже давно не существует. «Русский мир» разрушен если и не до основания, то настолько сильно, что от него остались одни фрагменты, какие-то из них можно приспособить к нашей сегодняшней жизни, какие-то нет, но целостную картину «русских сегодня» из этих фрагментов не сложить. Тот самый русский путь, находящийся где-то посередине между полярными призывами «полный вперед — к вершинам мировой современной цивилизации» — и «полный назад — к русским истокам», этот путь еще не нащупан. Мы до сих пор так и не можем ответить на вопрос, кто же такие мы, русские, на рубеже XX и XXI веков, что нас объединяет и объединяет ли вообще что-то. Даже в сравнении с некоторыми нашими ближайшими соседями, согражданами по советским временам, у которых тоже далеко не все идет гладко, мы зачастую выглядим какими-то потерянными, не способными ни осознать, ни тем более воплотить своих национальных интересов и целей. Мы напоминаем каких-то временщиков, сосредоточенных на решении сиюминутных задач, но не способных выстроить внятную перспективу на будущее. Перед нацией стоит очень непростая задача, сохранив основы русской цивилизации, ее исторической и культурной идентичности, сделать ее одновременно жизнеспособной, современной, соответствующей ментальности и образу жизни нынешней генерации россиян. В то же время стремление общества к национальному единству, запрос на формирование дееспособной нации, безусловно, существует. Это некий идеал, который пока только «греет», но не мотивирует. Идет попытка формирования современной российской нации, поиск ее базового смысла, но попытка эта сопряжена с большими сложностями и проблемами.

Исследование «Национальная идентичность», проведенное М. Тарусиным и его коллегами, является некоей основой, рисующей представления современных россиян о самих себе и своей стране. Это очень важно, но, наверное, недостаточно. Какие-то ценности и идентичности, выявленные авторами, «работают», какие-то остаются декларациями, которые выполнять никто не намерен. Это лишь один из аргументов в очень важной, содержательной дискуссии о природе современной российской цивилизации. Разговор важно продолжить, и я уверен, что он будет продолжен. Книгу «Национальная идентичность», кстати, написанную ярко и образно, великолепным русским языком, должен прочитать каждый, кто не равнодушен к будущему российской цивилизации. Прочитать, чтобы согласиться, или прочитать, чтобы поспорить, это уже вопрос следующий.

Л.Г. Бызов